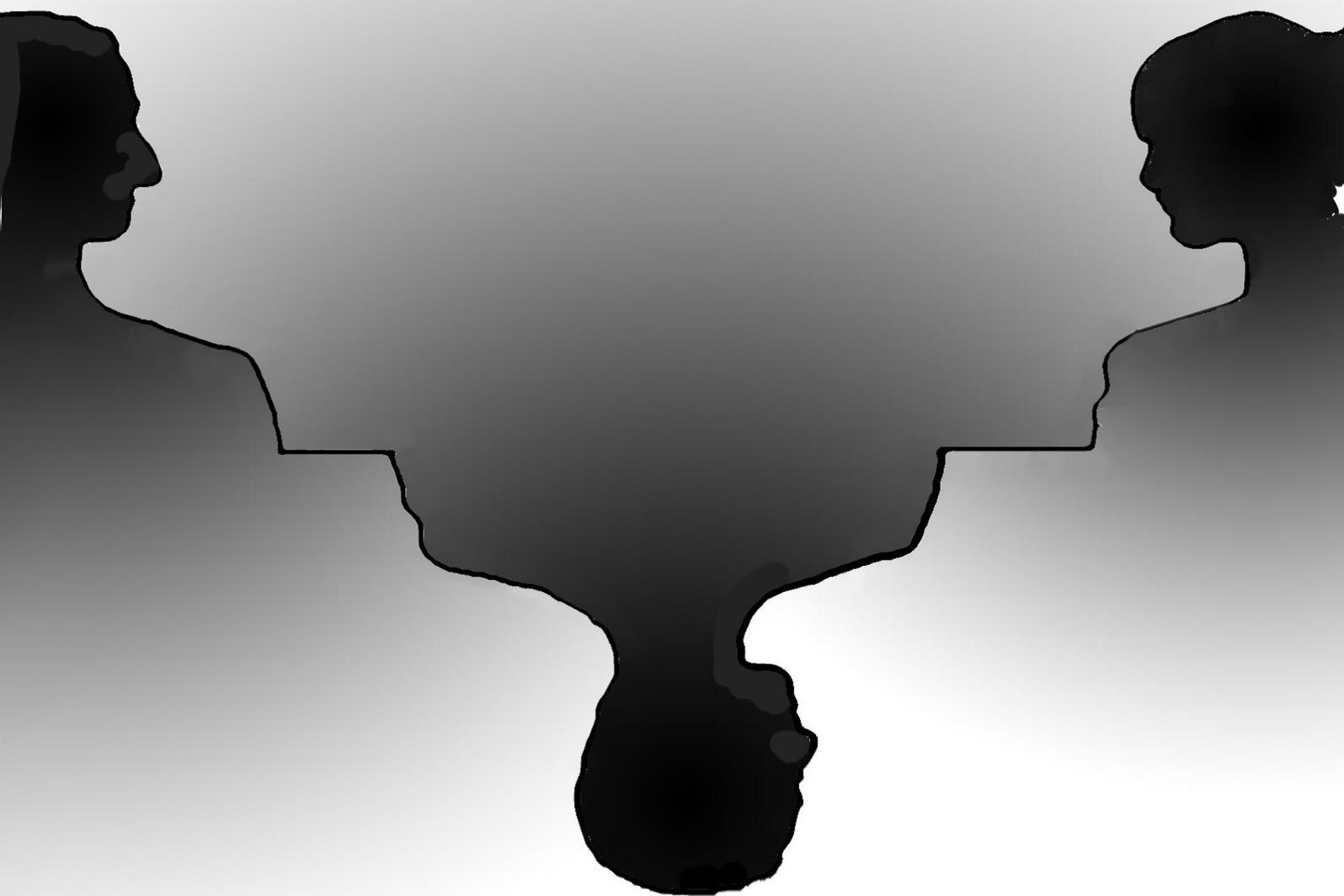

ОЖИДАНИЕ

Семен Грила

Ожидание

*Знание о том, что надеяться более не на что, не мешает
нашему продолжающемуся ожиданию.
Марсель Пруст*

Жизнь

Более-менее смысленный ребенок в осях, как говорят инженеры, понимает жизнь годам к тринадцати. Так считают те, кто думает, что имеет право давать такие оценки. Речь, конечно же, идет не о подробной карте устройства, а скорее об ощущениях и предвкушениях. И тем не менее они включают подобные оговорки в свои рассуждения. Они безапелляционны, им не нужны собеседники. А детям нужны, но их, как правило, нет. Поэтому дети тоже безапелляционны, ибо им надо строить свою отдельность. А как? Только выращивая самомнение.

Вот так и Федор начинал свою самостоятельную интеллектуальную жизнь. А ужас открывшейся тайны конечности жизни ее закрепил навсегда. Эту нелепость он так и не преодолел. Хотя все время

пытался. Но в какой-то момент ему попался Камю, и все окончательно пошло прахом.

Цинизм француза, сочетающийся с легкостью его мысли, поставил точку в глубине. Ведь куда дальше Камю? Дальше некуда.

Но мы все так. Быстро переключаемся, рассеиваемся – и вот уже нет тяжелых мыслей в повседневной суете, испуг растаял, дверь в подвал надежно заколочена, и все катится дальше. До следующего раза.

Вот так Федор и жил. Потом стал Федором Александровичем, а потом вышел на пенсию. Опять неожиданно. И вот тут все покатилося как-то тяжело, без дороги, по незнакомому маршруту.

Время

Его появилось много и резко. Сначала он сидел целыми днями в соцсетях, потом смотрел сериалы, потом пил. Но времени все равно было невпроворот.

Пробовал читать. Записался на спорт. Ходил на экскурсии и узнал много неизвестного про город и окрестности. Театры и музеи были пройдены вдоль и поперек. Их было не так много.

Сделал круг еще раз. Он оказался быстрее. Раньше казалось: вот будет время – буду читать, смотреть, ходить, думать Федор. Время появилось, а желание прошло.

Вот всегда так, думал он. Возможное не нужно. Недостижимое желанно. Нет баланса. Не хочется того, что есть. И быстро движется к исчерпанию вообще. Депрессия.

Но он был не подвержен. Не глубок, наверное, поэтому грусть сильно тоже не забирала: так, бывала хандра иногда. И все.

Но было во всем этом одно «но», и оно было непостижимо. Для чего это все? Нет цели и никогда не было. В суете не очевидно, а теперь, наедине со временем, так выпукло.

Ощущения

Федор с детства полагал, что он особенный. Он путешествовал по миру собственных иллюзий. Потом он понимал, что это иллюзии, а в настоящем считал, что находится в объективной реальности. Потом – отличная позиция. Наступало «потом» – и все разъяснялось, дым рассеивался.

Все живут в собственных иллюзиях, успокаивал себя он. Вера, безверие, философия, наука, искусство, да самая обычная работа – плод иллюзий. Он когда-то смотрел фильм, там главный герой был фрезеровщиком. На экране был его внутренний монолог – он пытался полюбить свою работу. Он уговаривал себя, этот рабочий. Не смог. Но зато смог влюбиться в женщину, которая ему совершенно не нравилась, категорически. Мир иллюзий несовершенен. Что-то получается, что-то нет. Нет возможности управлять.

Подсознание, подозревал Федор, тут, конечно же, замешано чертово наше подсознание.

Серафима

Он с детства дружил с Серафимой. Ну как с детства – учились вместе в институте. Познакомились на вступительных экзаменах. Несколько раз пробовали влюбиться. Потом оставили попытки и просто дружили. Оказывается, и так бывает. Куда только ни заводит пружина несостоявшегося секса. Ему хватило до сих пор. И еще хватит.

Так вот, Серафима была человеком совершенно неугомонным. объездила весь мир, много раз была замужем. Но по-прежнему Федора ценила, общалась с ним при первой возможности. Почему? Федор не знал. Но ему было приятно ее общество.

Вот и теперь. Они сидели в ресторане, ели что-то, пили что-то, и Серафима вдруг сказала:

– А чего ты, Федя, ждешь все время? Ведь ждешь? Я права?

Федор не знал, что ответить. Промолчал. Тогда она рассказала ему историю о том, почему все тянут всю неделю, а в пятницу вечером пытаются все наверстать. Появляется желание что-то делать. Почему?

– Люди зависают, прокрастинируют, одним словом, – продолжала Серафима. – Они хотят, чтобы проблемы рассосались сами, работа сделала себя сама или прошла необходимость ее делать, приказ был бы отменен и все такое прочее.

Внезапно у Федора испортилось настроение. Он как-то обмяк весь, словно из него выпустили воздух. Эта сука разъебала все, что я строил столько лет, выращивал свою гармонию.

Она продолжала говорить, он продолжал молчать. Так бывало и раньше, и она не заметила в нем перемены. Она смеялась, он смотрел на нее и не узнавал. Оказалось, он по-прежнему хочет ее. Странная штука жизнь.

Придумал

Федор всегда считал, что концепция детерминизма давит. Мешает. Лишает свободы. Все эти «осознанные необходимости» как-то не грели его никогда. Ни когда он учился, ни когда работал. Он всегда чувствовал иначе свою Вселенную. В том смысле, что считал, что она не знает о его существовании, и не должна. Следовательно, случайность – есть основное содержание всего. А если так, то и свобода свободна, а детерминированность – просто придумка марксистов. А они подсмотрели ее у служителей культов. Впрочем, все, что не свободно, все культ.

Он не делился своей доктриной. По разным причинам. Жалел родных и близких. Да он всех жалел.

Они так думают

Федор вообще любил думать за всех. Всех оправдывал и объяснял, почему они такие. В отличие от своих знакомых, он наделял других несвойственными им добродетелями. Особенно всевозможных руководителей. Он был уверен, что они умнее, чем кажутся. Кроме него так никто не считал. Почему? Всем остальным было пофиг.

Люди, знающие Федора и жалеющие Федора, называли его последним романтиком. И он долго соответствовал этим представлениям, а потом в нем что-то сломалось. Это произошло, когда Серафима снова вышла замуж. Куда-то в Венгрию. И непонятно за кого. Она рассказала ему об этом по телефону.

Она смеялась. Он – нет. Одолела тупизна. После ее звонка он сидел и долго ни о чем не думал. Просто тупо смотрел в окно. Ну вот опять. Он очнулся, и мир изменил краски. Непонятно что, но стало по-другому. Это предстояло осознать. И он пошел и лег спать.

Разговор

Иногда Федор встречался с сокурсником по университету – неким Свибловым. Этот Свиблов был человеком упертым, заядлым спорщиком. Поэтому виделись они редко, как люди, которые знали что-то друг про друга после той самой вечеринки, где они жутко напились, и теперь им было неприятно вспоминать. Ну, до следующего раза.

И этот новый раз спонтанно наступал, и они опять проваливались в пучину тягостного спора. Суть его всегда была одна и та же. Свиблов настаивал на субъектности человека через объединение с себе

подобными посредством вождя, а Федор был убежден, что наличие субъектности человека только уменьшает его возможности быть счастливым.

– Да ты пойми, – говорил Свиблов, – наличие объединяющего начала, религии ли, идеи ли, что, впрочем, одно и то же, дает возможность слабым почувствовать себя сильными, а сильных делает непобедимыми.

– Да, – отвечал Федор. – Это так дешево и сердито, делать ничего не надо. Не надо страдать, не надо учиться, не надо работать, не надо ничего создавать: просто надел майку футбольной команды – и приобщился к движухе. Ну зашибись делегирование и принятие.

Свиблов морщился, сопел и курил. А потом продолжал:

– Ты, Федя, чего, собственно, ожидаешь от людей? Да, они слабые и беспомощные, да, им нужен пастырь. Что нового я говорю? Ничего. Да, я простой, тупой и прямой. Да. А ты-то какой? Что ты такое? Либеральный студень, корка истлевшего подсознания на вечных манускриптах? Ну попробуй сформулировать свою сверхзадачу.

Федор раскисал, потел и хмурился, но не сдавался. Он мучился, как всегда, когда приходилось сдирать с себя кожу, и боль охватывала его целиком. Он выворачивался наизнанку от неприятия высказанных Свибловым словосочетаний.

– Я, – говорил Федор, – поклонник той точки зрения, которая гласит, что человек сам, в себе и для себя. И никто не должен диктовать ему. Он сам принимает свои решения, сам следует своим заблуждениям и сам выбирает друзей и врагов. Все остальное – манипулирование и навязывание, от которого не спрячешься, но сопротивляться этому он обязан. Даже находясь в добросовестных заблуждениях.

– Вот видишь, – отвечал ему Свиблов, – ты сам признаешь уязвимость, сам же говоришь об иллюзиях. А чьи они – собственно

человека или навязанные – невозможно определить. Даже сознание под вопросом.

– Человек этого и не знает, я согласен, но он чувствует, – говорил Федор.

– Чушь собачья, ничего он строго не чувствует.

– Пусть и не строго, но чувствует. Вот ты же чувствуешь?

– Я знаю, мне не надо чувствовать, – сказал Свиблов.

– Что знаешь?

– Правду.

– О-о-о, – застонал Федор. – Еще один миф. Про правду. Их тысячи – правд. Объединенная правда – выдумка всех против всех.

– Да заткнись ты уже, – рассвирепел Свиблов. – Ты классический недобиток, тебя изолировать надо давно.

– От кого? Я ни с кем не общаюсь.

– Да от всего. Совсем.

– Убить, что ли?

– Может, и убить. Впрочем, мне пора. Давай до следующего раза, – Свиблов встал и быстро вышел.

А Федор остался. Он не мог двигаться с развороченной душой. Боялся испугать прохожих или простудиться.

Флирт

Ненавистная работа наконец-то умерла. Он освободился. Издательство отпустило его. А ведь когда-то ему нравилось быть редактором. Копаться в слабостях чужого сознания, держащегося исключительно на тщеславии.

Потом наступило насыщение повторами и отвратительными сценариями. Как сериалом на двадцатом сезоне. Он стал выгребной ямой чужих неудач. Ближе к пенсии постепенно сам начал писать. Он всегда хотел, но не мог. Он и теперь не мог, но был вынужден.

Наверное, стал графоманом. Или время пришло. Ему почему-то стало казаться, что он должен написать про Вселенную, свободу и случайность.

Появилось ощущение сюжета. Флиртующая Вселенная. Она манит, она говорит с каждым. Она обещает. Завораживает и прельщает. Ей не нужен никто. Но она нужна. Своей отстраненностью и холодностью она согревает и дает надежду.

И все обращены к ней. Все хотят ее. Хотят ответа. Большинство безотчетно. Другие прикладывают усилия. Кто-то слушает ее звуки, кто-то вглядывается в цвета, кто-то пишет. Как у Чехова Антона Павловича Ванька Жуков писал на деревню дедушке Константину Макаровичу, так теперь и Федор влился в бесконечный гипертекст своей мечты. Мечты ожидания ответа. Или его интерпретации.

Сука, ответ может быть и непонятым, но обязательно должен быть понятным. Вуаля. Федор теперь другой, он обрел содержание бытия.

Как так вот вдруг, удивитесь вы. Если удивитесь, то вы еще не поняли ничего, ибо в жизни все вдруг, просто сразу непонятна эта случайно наступившая ясность нового качества.

Конец

На кладбище были Серафима и Свиблов. Все как-то неожиданно. Как будто он хотел раскрыть чью-то тайну, но не успел. Кто-то влиятельный помешал. Был заинтересован в молчании Федора.

– Вот скажи мне, Серафима, зачем было взрослому человеку карабкаться на эту чертову дамбу, что он там забыл? – Свиблов ждал ответа.

– Я его разлюбила, – сказала Серафима. – Это я виновата.

– Да брось ты эти бабские штучки. Личные привязанности. Их влияние преувеличено.

– Да, – сощурилась Серафима, – а какого хера тогда ты пришел? Ты же его ненавидел.

Свиблов продолжал смотреть не на нее и теревить рукава пальто.

У него же синдром, как я раньше не замечала, подумала Серафима.

А она неплохая, думал Свиблов, я понимаю Федора. Теперь.